

Преподобноисповедницы

Афанасия (Лепешкина) и Евдокия (Бучинева)

Преподобноисповедница Афанасия родилась 15 марта 1875 года в городе Москве в семье сына купца первой гильдии Василия Николаевича Лепешкина и его супруги Александры Григорьевны и в крещении была наречена Александрой¹. У ее родителей было двенадцать детей, но из всех детей остались только три дочери, так как остальные умерли в юном возрасте. Детям родители старались дать наилучшее по тем временам образование. Александра Васильевна окончила Чернявское училище в Москве и в совершенстве знала французский и немецкий языки. Образование стоило в то время немалых денег, и за обучение ее в училище платили родственники – богатые фабриканты Лепешкины.

Семья купцов и фабрикантов Лепешкиных издавна была известна в Москве своим благочестием и благотворительностью. Брат прадеда игумении Афанасии, Семен Лонгинович Лепешкин, был строителем Троице-Одигитриевской обители, основателем которой был преподобный Зосима (Верховский). Он принимал деятельное участие в строительстве каменного Троицкого храма в монастыре, выстроил ограду вокруг обители, большой корпус для жительства сестер и два небольших, а также каменные погреба. Он купил для обители огорода вблизи Москвы, которые приносили хотя и небольшой, но постоянный доход.

Его отец, Лонгин Кузьмич, был возобновителем и строителем храма преподобного Марона Пустынника в Старых Панех в Москве, разрушенного почти до основания во время нашествия французов в 1812 году. Он стал и первым же старостой этого храма. Когда он скончался, старостой и благотворителем храма стал его сын Василий, а после смерти Василия Лонгиновича в 1840 году – его сын Николай. «В буквальном смысле не перечесть жертв и заслуг его для храма! – писали о нем современники. – Все – за самым небольшим разве исключением – все драгоценное, что видит глаз в Мароновском храме, – все это дар, жертва приснопамятного Николая Васильевича Лепешкина: священные сосуды, из которых одни приобретены даже с выставки, напрестольные кресты и Евангелия, ценные массивные сребропозлащенные ризы на иконах, таковые же хоругви и лампы, вся церковная утварь, ценные священнические облачения и прочее».

После смерти Николая Васильевича заботы по храму взял на себя его старший сын Василий, который был старостой до 1895 года, после чего старостой стал его брат Иван. Главной святыней храма является чудотворный образ преподобного Марона, к которому обращаются страдающие от горячки и лихорадки².

Во время обучения, как рассказывала впоследствии сама игумения Афанасия, она жила весьма хорошо, всем была довольна, много веселилась, студенты относились к ней с большим уважением, много было среди них и поклонников.

Но неожиданно для всех после окончания училища молодая девушка ушла в 1896 году в монастырь – Троице-Одигитриевскую Зосимову пустынь. Первое время ее послушанием было чтение в церкви, а затем игумения Зосимовой пустыни София (Быкова) послала послушницу Александру в Понетаевский монастырь для обучения живописи. Полгода она обучалась художеству и,

вернувшись в Зосимову пустынь, стала исполнять послушание иконописки, а с 1911 по 1919 год – заведующей иконописной мастерской. 19 декабря 1919 года послушница Александра была пострижена в монашество с именем Афанасия. 22 февраля 1920 года она была назначена настоятельницей монастыря и на следующий день возведена в сан игумении. 15 мая 1920 года Патриарх Тихон наградил игумению Афанасию золотым наперсным крестом³.

Игуменья Афанасия

При советской власти монастырь был преобразован в сельскохозяйственную артель, и игумении пришлось часто сталкиваться с представителями властей, ведя с ними переговоры относительно хозяйственной деятельности монастыря. Игумению, как главу артели, стали приглашать на заседания уездного исполнительного комитета. Заседания эти проходили в местном клубе. Все члены исполкома рассаживались в этих случаях вокруг поставленного на сцене стола. Появление игумении, сопровождаемой послушницей, вызывало среди членов исполкома неловкость, и однажды один из них, решив пошутить, показал на висящий на стене портрет Маркса и сказал:

– А вот, матушка игумения, Маркс. Он является, собственно, учеником первого социалиста – Христа.

– Вот портрет «ученика» вы поместили здесь, а почему же нет портрета Учителя? – спросила игумения.

В то время, когда игумении пришлось управлять обителью, к трудностям,

происходящим от преследования безбожной властью, прибавились скорби от болезней, так как в течение многих лет мать Афанасия страдала малярией. Ее часто лихорадило, но она не лечилась, и хроническое заболевание в конце концов разрушило ее здоровье.

На пасхальной неделе в 1925 году сестры послали за врачом в Алабинскую больницу. Вот как описывает свое посещение игумении врач Михаил Михайлович Мелентьев: «Монастырский двор-кладбище был необширен, тих и пустынен. В центре стоял небольшой белый храм, окруженный намогильными крестами, кое-где с горящими лампадами. По мосткам прошли к игуменскому корпусу, где меня встретила маленькая, согбенная старая монахиня, ласковая и приветливая. В корпусе стоял какой-то давний, уютный запах древней мебели, печеного хлеба, ладана. Тикали часы, и стояла ничем не нарушаемая тишина. Монахиня пригласила меня к столу откусать, а сама пошла доложить игумении о моем приезде...

Держалась она величаво-спокойно, говорила чуть-чуть нараспев, с низкими контральтовыми нотами. Ближайший угол и стена были заняты образами. У большого распятия горела лампада и стоял аналой.

Здоровье игумении оказалось в очень плохом состоянии. Я сказал ей не скрывая о ее положении и предложил на ближайшее лето выехать в другое место и попытаться подлечиться там. Обстановка с монастырем была сложна и внешне и внутренне. В монастыре было до трехсот человек сестер, в том числе шестьдесят беспомощных старух. Всех их нужно было прокормить, отопить, одеть, обути. Поплакала игуменья, погоревала, и все это сдержанно, с ясным сознанием огромной ответственности за триста душ, и отпустила меня, не дав ответа. Однако в дальнейшем ухудшение здоровья заставило ее смириться. Я взял на себя ответственность поднять ее на ноги. Это была трудная задача, но Бог помог мне, и моя больная к концу лета настолько поправилась и окрепла, что могла вернуться к себе и приняться за свои дела».

В 1928 году власти закрыли обитель, и игуменья Афанасия переехала в село Алабино Наро-Фоминского района, где поселилась вместе с пожилой монахиней Антонией, которая была с ней от первых дней ее монастырского жития, и послушницей Евдокией Бучиновой. Врач Михаил Мелентьев пишет в своих воспоминаниях: «Игуменья Афанасия правила всю дневную службу и являлась умственным центром этой маленькой общины. Она же, вместе с матерью Антонией, стегала одеяла. Дуня выполняла более тяжелую работу и служила для сношения с внешним миром. На первую и последнюю недели Великого поста двери их жилища закрывались для всех. Это были дни молитвенного труда и молчания. Но зато и праздник Воскресения был праздником истинно Воскресшего Христа.

К ним ходили за помощью, за советом, за утешением, но ходили в сумерки, вечером, ночью, чтобы меньше видели, меньше говорили. Они же ни к кому не ходили, потому что боялись с собою принести и подозрения, и кару на ту семью, где бы они побывали.

В первый день Троицы 1931 года я пришел к игумении Афанасии, зная, что у нее праздник, что она по-праздничному бездеятельна и что она будет рада мне. Нашел я ее в десяти шагах от ее дома в небольшом перелеске. Она только что пережила очередное воспаление легких, была слаба, и все ее радовало в ее возвращении к жизни. Стоял чудесный день, жужжали пчелы, пахло лесом. Божий мир стоял во всей своей красе. А через час, когда я ушел, пришла грузовая

машина, привезла оперативных работников НКВД, те перевернули жилище, обыскали его, ничего не нашли конечно, и забрали игумению Афанасию с собой в районный центр, Наро-Фоминск».

Игумению обвинили в активной антисоветской деятельности и агитации, направленной на срыв мероприятий советской власти в деревне, в особенности коллективизации. Отвечая на вопросы следователя, игумения Афанасия сказала: «В 1920 году я была избрана игуменией и была ею до 1928 года. Во время моего игуменства был полный порядок и все мне подчинялись. В результате все было хорошо. Во время пребывания моего в монастыре я крепко была предана Богу и так же предана Ему в настоящее время и готова за Бога и за Христа жизнь положить. Больше показать ничего не могу».

Через несколько дней после ареста состояние здоровья игумении резко ухудшилось, и ее отправили в больницу, откуда она написала врачу: «Многоуважаемый Михаил Михайлович! Шлю вам привет из Наро-Фоминской больницы. Лежу в заразном бараке. Чувствую себя плохою. Все болит, а особенно левый бок. Температура повышена. Просила дать мне бумагу о моей болезни и нетрудоспособности, но мне ответили – “пока полежите”. Сердце мое истерзалось. Осталась я одна. Дуню, наверное, пока я в больнице, угонят, как угнали уж многих. Боюсь я, как бы Антонию без меня не взяли. Войдите в мое положение! Что буду я делать одна, когда не в состоянии понести и пяти фунтов. Хотя бы Вы что-нибудь мне написали и с кем-нибудь ручно передали. Письма и посылки в больницу передают, но личного свидания не разрешают. Может быть, Вы увидите Антонию. Скажите ей, чтобы она прислала мне молитвенник и Часослов маленького формата. Неизвестность хуже всего. Буду ждать от Вас какого-нибудь слова. Не забывайте меня, находящуюся в большом горе и всегда Вас уважающую»⁴.

Вместе с игуменией Афанасией была в то время арестована и послушница Евдокия.

Преподобноисповедница Евдокия родилась в 1885 году в деревне Дубовицы Спасского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Тимофея Бучинева. До 1907 года она работала на фабрике в Москве, а затем поступила в Зосимову пустынь, где подвизалась до закрытия монастыря. Будучи арестованной вместе с игуменией, она так ответила на вопросы следователя: «После ликвидации монастыря мы с игуменией поселились в поселке Алабино Наро-Фоминского района, и я до сего времени состою при игумении. Проживая в поселке Алабино, мы с игуменией занимались рукоделием, на что и существовали, а также к игумении приезжали неизвестные мне люди и привозили продукты. Что касается предъявленных мне обвинений в антисоветской агитации, то я таковой никогда не вела и виновной себя в этом не признаю».

10 июня 1931 года тройка ОГПУ приговорила игумению Афанасию (Лепешкину) и послушницу Евдокию Бучиневу к пяти годам ссылки в Казахстан. В ссылку им не разрешили ехать свободно, но отправили с этапом. На второй день по приезде на место ссылки скончалась игумения Афанасия, а на следующий день послушница Евдокия.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь».
Тверь. 2005. С. 492-497

Библиография

- Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги.** М., 1994. С. 198.
- Русский паломник. USA.** Валаамское общество Америки. 2000. № 21-22.
- Газ. «Основы православия».** 2000. № 3 (20).
- Православная Москва в начале XX века.** Сборник документов и материалов. М., 2001. С. 206-207.
- Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.** Книга 6. Тверь, 2002. С. 15-19.
- Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии.** Январь-Май. Тверь, 2002. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 34-40.
- ЦИАМ. Ф. 203, оп. 763, д. 70.
- РГИА. Ф. 831, д. 281.
- ГАРФ. Ф. 10035, д. П-37123.

Примечания

¹ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 763, д. 70, л. 311.

² Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. М., 1994. С. 198.

Православная Москва в начале XX века. Сборник документов и материалов. М., 2001. С. 206-207.

³ РГИА. Ф. 831, д. 281, л. 151 об-152.

⁴ Русский паломник. USA. Валаамское общество Америки. 2000. № 21-22. С. 46-48.